УДК 378.4(470)

Е. А. Вишленкова, В. С. Парсамов

Университетские истории в России: генезис жанров[1]

Статья посвящена истории осмысления университетского прошлого в меняющихся условиях российского существования. В расширении жанров и дискурсов описания авторы видят процесс превращения университетских исследований из прославительного письма в научную субдисциплину. Выстроенные в линейной последовательности двухсотлетней длительности, большие и малые нарративы университетского прошлого предстают версиями группового самоосмысления и самоидентификации.

Ключевые слова: Российская империя, университет, университетские исследования, история образования

Elena A. Vishlenkova, Vadim S. Parsamov

University history-writing in Russia: genesis of genres

The article is devoted to history of thinking of the Russian university past under changing conditions. The authors believe that development and expension of university genres and description discourses is an evidence of transformation of university studies from glorious texts to scholarship. «Big» and «small» narratives of the university past are scrutinized as different versions of the group self-description and self-identification.

Keywords: Russian empire, university, university studies, history of education

Столетиями назначение университетского историописания в Европе состояло в том, чтобы сакрализовать миссию учительства и утвердить социальную значимость знания. А еще историческое письмо содержало пафос благодарения и рассказывало о присущих университетским корпорациям традициях благотворительности, просветительства и миссионерства. В нем прославлялись деяния государства, отдельных правителей, беззаветность профессоров и ученых. В рассказах о прошлом формировались приоритеты для будущего, и утверждалось социальное назначение Университета.

В течение двух последних столетий университетские исследования медленно, но верно обретали научность, а ныне трансформируются в самостоятельную научную субдисциплину. Такими давно уже стали история государства и история церкви. Рождающееся в ходе этого процесса новое понимание феномена «университет» достигается благодаря расширительной трактовке его границ и содержания как совокупности проявлений академической жизни и деятельности. К его анализу применяются сложносоставные теории среднего уровня и инструментальные методы, приспособленные для анализа гетерогенных объектов.

В этой статье мы предлагаем читателям обзор развития данных тенденций в российском контексте[2]. Объектом изучения для нас послужили произведения, концептуализировавшие прошлое российских университетов посредством разных форм его организации и интерпретации[3]. Сотканная нами весьма крупная исследовательская сеть дала возможность уловить не только «классику», но и «инновации», т. е. засечь моменты рождения новых жанров, повествующих об университете и его прошлом.

История политики и учреждений

Первые университетские исследования появились в России в форме институциональной истории. И это неудивительно, учитывая тот факт, что заказчиками, потребителями, а подчас и создателями таких текстов были ведомственные чиновники – министры народного просвещения, директора департаментов, попечители или ректоры.

Полученный от правительства устав 1804 г. (§ 70) предписывал профессорским советам хранить делопроизводственные документы в архиве, а секретарям советов писать на их основе истории. Первые исторические нарративы имели форму близкую по жанру к годовому отчету о состоянии и деятельности государственной институции. Кроме того, министерство требовало создания «исторических записок» о состоянии учебного округа, его училищ и гимназий. Такие тексты сосредотачивались на описании условий учреждения школы, ее функциях, составе преподавателей и учеников[4].

По прошествии десятка лет после основания в России университетов чиновники стали требовать от профессоров рассказов о правительственном просветительстве. Вероятно, такие тексты позволили бы продемонстрировать заслуги министерства перед императором.

Но профессора не торопились с исполнением поручения. В связи с этим министерство решило само составить реестр своих деяний, доверив изготовление такого обзора академику П. И. Кеппену. Но тот увяз в длительной переписке с профессорскими советами и смог собрать только часть статистических сведений.

Личная заинтересованность в историческом нарративе министра народного просвещения С. С. Уварова – человека с опытом гуманитарных исследований – сдвинула дело с мертвой точки. Историческая аргументация стала в 1840-е гг. обязательной частью всех административных распоряжений по Министерству народного просвещения. По приказу Уварова министерские и университетские архивы были систематизированы и получили описи. Отчетность всех типов школ была приведена к единообразию и стала основой для оценки их деятельности[5]. В результате этого через десять лет уваровские чиновники подготовили сводный отчет своей деятельности (1833–1843), который министр собственноручно превратил в исторический нарратив[6].

Его доклад «Десятилетие Министерства народного просвещения» стал первой письменной историей правительственной политики в области просвещения. Университеты предстали в нем орудиями цивилизования империи. В этом качестве они были обезличены и унифицированы. Их прошлое виделось как общее движение от институционального хаоса к правильно организованной системе управления. В этой связи устав 1835 г. предстал временем рождения «русского университета».

Сами университетские сообщества впервые проявили интерес к своей истории в преддверии юбилеев середины 1850-х гг. Это оказалось не самое благоприятное время для саморепрезентации и идентификации. Ситуация первых студенческих волнений и подозрительность правительства Николая I к университетам (начало 1850-х гг.) сильно ограничила профессоров в творчестве. Доказывая политическую лояльность власти, провинциальные историки намеревались развивать в своих историях концепцию Уварова. А столичные профессора, хотя и заявили о желании сделать Московский университет наследником просветительской миссии святых Кирилла и Мефодия, в конце концов, ограничились претензией на роль «первого среди равных». В «Истории» С. П. Шевырева университет в Москве был назван первым и самым древним из российских высших школ. Он представлен более сложным и персонализированным учреждением, чем то было в отчете Уварова, но все же определялся как продукт государственного управления[7].

Если в середине XIX в. писателя университетского прошлого утверждало министерство, то в конце столетия такое поручение давали историкам коллеги, т. е. члены университетского совета. Они предпочитали избирать для этого специалистов по региональной истории или по истории государства и права. Под их пером провинциальные университеты представали то островами просвещения в океане местной тьмы и невежества (версия Н. П. Загоскина[8]), то естественным результатом созревшей потребности местных элит в просвещении (например, у Д. И. Багалея[9]).

Наряду с историей отдельных университетов, на рубеже веков выходили истории «русского университета» – некоей совокупности конкретных школ. В то время интенсивная разработка истории государства спровоцировала описание его деяний в отношении просвещения населения[10]. А когда на исходе столетия правительство увлеклось созданием истории всех государственных структур империи, Министерство народного просвещения заказало петербургским профессорам научную разработку своего архива и ведомственную историю[11]. В этих изданиях очень разные российские университеты слились в аналитическую абстракцию – «русский университет», объект попечения власти и результат работы министерства.

Этот исследовательский энтузиазм оборвался в связи со сменой политической власти в России. Реабилитированные после перерыва почти в два десятилетия (в конце 1930-х гг.), обновленные «красной профессурой» и пролетарским студенчеством, ставшие «советскими», но все-таки выжившие университеты еще долго опасались упоминать о своем «буржуазном» прошлом. А когда в середине 1950-х гг. о нем стало можно говорить, то историки Московского университета провозгласили неразрывность двухсотлетней истории alma mater.

Вслед за столичным собратом каждый советский университет стал доказывать партии и правительству прогрессивный и демократичный характер собственной деятельности, перечислять свои вклады в прогресс и науку. В постсоветское время утвержденные такими изданиями древность происхождения и национальные заслуги принесли их обладателям практическую пользу, позволив получить статус «классического университета» и финансовые привилегии.

В 1990–2000-е гг. институциональная история российских университетов вышла за границы юбилейных повествований. Изучение уни-

верситетских структур стало частью не только политической истории, но и сравнительных исследований[12], истории идей, культурной истории, источниковедения, особенно – социальной истории. И все-таки история политики не сдает своих лидирующих позиций в российской историографии, нередко подменяя собой изучение собственно университетского прошлого и академической культуры. Для ее продукции характерна сильная зависимость от политической концепции власти, которая определяет спектр исследовательских сюжетов, их интерпретацию, а также то, кому доверено/поручено создание текста.

История корпорации

В отличие от институциональной истории, социальная история российского университета жила в более широком жанровом диапазоне. Она представлена читателю не только в форме рассказов, но и в виде биографических словарей и сборников воспоминаний.

Нарративы социальной истории

Судя по всему, первый нарратив социально-культурной истории университетского сообщества написал историк литературы Н. Н. Булич. Он создал на основе документов Александровской эпохи «рассказы» об университетской жизни, наполненные трагическими столкновениями героев и антигероев[13]. И хотя литературные журналы восторженно отозвались об этом опыте, коллеги заклеймили Булича за подрыв репутации государственного учреждения.

Только в условиях политических преследований со стороны большевистской власти, социальные сюжеты стали для раннесоветских университетов средством реабилитации[14]. В обстановке разоблачения скрытых врагов и перестройки школьной системы, сюжет о борьбе революционного студенчества с «прогнившим» царизмом и буржуазными профессорами смог легитимировать «старые» университеты в «новой» России. Поэтому он доминировал в тематике университетских исследований с 1930-х по 1980-е гг.[15].

Лишь на исходе советского режима в России появились работы, возвратившие изучение университетского прошлого к достижениям историографии начала XX в.[16] Тогда в исторические труды вернулись вопросы «университетской автономии», подготовки национальных элит, имперского просвещения регионов[17]. По мере освобождения российских исследователей от тотальности идеологического контроля и освоения ими достижений западной историографии[18], социальные сюжеты в университетских исследованиях очищались от революционной догматики, обретали глубину просопографического анализа[19] и смещались в область истории повседневности[20] или культурной истории[21].

Словари

В средневековом университете списки профессоров и благотворителей создавались для молений студентов за их души, а списки студентов – для учета платы за обучение. В Российской империи они имели характер фиксации социальной стратификации: министерство получало от университетов списки лиц, имевших статус студента, и списки университетских служащих в статусе профессора и адъюнкта. С 1830-х гг. они публикуются наравне с «Адрес-календарями», в которых указаны штаты всех ведомств. Так, «Именные списки всем чиновникам и преподавателям, находящимся в императорском Московском университете» опубликованы за 1834–1836, 1838–1839, 1847–1862, 1864 гг. В них указаны специальность, должность, чин, ученая степень, сословная принадлежность, полученное образование, размер получаемого жалования, наличие служебной квартиры. Это те сведения, которые Министерство народного просвещения ежегодно собирало с университетов в виде формулярных списков на каждого члена «ученого сословия» и в форме сводных ведомостей[22]. В 1866 г. Министерство народного просвещения издало первые сводные списки по всем университетам империи[23].

В отличие от министерских изданий, университетские самоописания представляют читателю иной набор данных. Поскольку в XIX в. россияне почитали не души, а научные заслуги профессоров, то статьи в биографических словарях содержат вехи научного пути ученого и оценку его достижений. Обязательными элементами такой справки были сословное происхождение, полученное образование, имена учителей, научные интересы, открытия, участие в исследовательской работе и способы передачи новых знаний студентам. В результате систематизации по факультетам и кафедрам (а не по алфавиту имен) биографические очерки образовывали темпоральную линию развития университетской науки. В таком виде словари предложили новую версию университетской истории.

Первый словарь университетских преподавателей 1855 г. являет собой образец переходного жанра от «адрес-календаря» к истории науки[24]. В него вошли биографии профессоров,

преподававших в Московском университете с момента его создания, написанные их учениками и продолжателями. С. П. Шевырев организовал биографический материал в хронологическом порядке, т. е. по датам зачисления персонажей на службу. А сам словарь построил в соответствии с современной ему структурой факультетов и кафедр. Единого канона биографической справки тогда выработано не было, поэтому биографии и автобиографии различаются по объему и внутренней структуре. В письме к А. А. Краевскому редактор писал: «Милостивый Государь, Андрей Александрович. Высочайше утвержденный комитет для приготовлений к празднованию юбилея Московского университета, между прочими трудами своими приготовляющий и Словарь питомцев университета, приобретших известность на поприще служебном, ученом и литературном, поручил мне просить Вас покорнейше о доставлении биографической записки о вашем рождении, воспитании первоначальном и университетском образовании и вашей общественной, служебной и литературной деятельности»[25].

Еще Н. Г. Чернышевский, автор первого отклика на труд Шевырева, обратил внимание на неравноценность опубликованного биографического материала. Критикуя официальный характер издания, он одобрил «несколько жизнеописаний, которые очень близко знакомят нас с истинным значением деятельности или с личностью описываемого ученого»[26]. Кроме того, Чернышевскому понравились автобиографии, в которых профессора делились с читателем воспоминаниями о своей студенческой молодости.

Словарь Шевырева знаменовал рождение жанра «университетская история в лицах». В нем можно обнаружить сразу три репрезентации университета. В биографических справках ценность лица определялась участием в «большой биографии» университета. В развернутых рассказах-воспоминаниях жизнь ученого оказывалась ценной сама по себе, а университет представал одним из этапов (важнейшим, но все-таки не единственным) в его становлении. В автобиографиях присутствовал рассказ о «своем университете».

Указанные репрезентации по-разному раскрывают взаимоотношения человека с университетом. В первом случае между ними устанавливается некое тождество, подразумевающее, что университет – это профессора, а профессора – это университет. Во втором случае личность ученого имеет самоценность, и университет – лишь пространство для реализации его таланта. Обладатели такой биографии, как правило, считались основателями академических традиций. В третьем случае имеет место синхронизация жизни человека и университета, их взаимное обогащение и как следствие – антропологизация коллективной сущности.

Еще одним вкладом Шевырева в разработку истории университета как сообщества должен был стать «Биографический словарь питомцев Московского университета». В нем историк планировал показать социальные и культурные заслуги университета перед Россией. Однако в изданном в 1855 г. фрагменте опубликованы биографические очерки воспитанников только первого набора (1756–1760 гг.).

В отличие от Шевырева, историк государственных учреждений, которому была поручена юбилейная история Казанского университета, Н. П. Загоскин рассматривал персонажей своего словаря (1904) как представителей наук. Каждый из них определялся как «лектор немецкого языка», «профессор церковной истории», «приват-доцент философии»[27]. Очерк включал данные о полученном образовании, вехах карьеры, административных обязанностях, наградах и перемещениях по службе, даты рождения и смерти. Плюс к этому Загоскин сопровождал очерк списком научных трудов ученого.

Для нас это тот редкий случай, когда удалось выявить технологию создания словаря. Загоскин разбирал и систематизировал архивные документы первой четверти XIX в. Каждый прочитанный текст историк переписывал на специальную карточку в сокращенном виде «с указанием на ней тех сфер университетской жизни или университетского строя, которых эти данные или факты касаются». Затем он распределял карточки по ящикам с соответствующими этикетками. К этой «базе данных» Загоскин составил предметный и именной указатели. А на каждую фамилию преподавателя («старые профессора»), встретившуюся в архивных делах, он заводил особый лист, куда вносил сведения из всех прочитанных документов[28].

Что касается «новых профессоров», то почти всегда среди коллег находился ученик или преемник, который мог получить от архивариуса послужной список своего учителя и написать на его основе очерк, сдобрив его личными воспоминаниями. Состоящие на службе профессора писали автобиографии по полученному от редактора шаблону. Они скудны в деталях и оценках, но содержат подробные списки трудов.

Сами по себе биографические словари не сломали рамку институциональной истории. Однако они сделали «штат» учреждения персонализированным собранием людей. Каждый факультет состоял из имен, упорядоченных

по алфавитному признаку. Загоскин снабдил словарь приложением, в котором имена преподавателей были распределены по кафедрам (дисциплинам) и перечислены в порядке сменяемости, с указанием периода пребывания в должности. Это позволило рассматривать развитие кафедры (т. е. историю отдельной дисциплины в университете) как цепочку человеческих жизней, творчества, разорванных и восстановленных преемственностей. В тех случаях, когда словарь указывал на устойчивую преемственность, можно было говорить о некой общности учителей и учеников, т. е. о «научной семье», или «школе». Эти «звездные туманности» позволили последующим историкам доказывать наличие научных традиций разного масштаба (дисциплинарных, факультетских, университетских или национальных).

Как правило, созданные к 100-летним юбилеям биографические словари со временем превратились в открытые проекты. К следующим юбилеям преемники дополняли старый словарь новыми персонажами, обогащали прежние статьи новыми подробностями или ссылками на литературу[29]. На их основе можно было делать специализированные справочники (например, словари только профессоров или только иностранцев[30]) или энциклопедические издания, представляющие микс социально-институциональных историй[31].

Апогеем в развитии формы университетских словарей в России стал многотомный биобиблиографический словарь Казанского университета 2004 г. В течение 15 лет его готовил к изданию коллектив исследователей под руководством Г. Н. Вульфсона. Он содержит 6025 исследовательских очерков и справок о студентах и преподавателях[32]. Они созданы в результате поисковой работы в архиво- и книгохранилищах, а также сбора и обработки анкет. Авторам удалось охватить приблизительно 20 % от всех обучавшихся в императорском университете[33]. Очерки расположены в алфавитном порядке, независимо от «значимости» или институциональной принадлежности персонажа. Он стал основой для последующих социально-исторических исследований российских университетов.

Как жанр биографический словарь призван передать уникальность конкретной корпорации: «мы – московские», «мы – казанские», «мы – саратовские» профессора и т. д. Однако при более внимательном прочтении оказывается, что корпоративность уходит меж строк биографического текста. В словари включаются имена ученых, которые принадлежат мировой науке, а не конкретному учреждению, а также лица, чьи имена даже в пределах данной корпорации мало кому известны. Нередко их отношение к университету определяется только выпиской из формулярного списка или справкой из отдела кадров. Иными словами, словарь является срезом академической стратификации и отражает социальные параметры университетского сообщества, но не передает специфику корпоративной физиономии. Но это именно то, что могут сделать сборники воспоминаний.

Сборники воспоминаний

Первый бум профессорских мемуаров в России пришелся на 1860–1880-е гг. Уставшие от разнонаправленных реформ образования, испытавшие разрушительные последствия радикализации и политизации всего академического уклада современники с ностальгией вспоминали о простоте и стройности системы управления былых времен, о покровительстве влиятельных вельмож Александровской эпохи, о плотной опеке над университетами правительства Николая I. Раскритикованный современниками устав 1835 г. предстал в мемуарах олицетворением порядка и государственной заботы[34].

Занявшие кафедры после массовых увольнений «старых профессоров» (1835–1837) авторы воспоминаний развили тезис министра С. С. Уварова о поколенческом разрыве 1830-х гг., о «старом» и «новом» университетах[35]. Их свидетельства уверили читателей в том, что после возвращения из-за границы и вступления на службу первой когорты правительственных стипендиатов в России началась новая эпоха интеллектуальной истории.

Для утверждения профессионального превосходства мемуаристы широко использовали противопоставление. По контрасту со своими предшественниками – профессорами Александровской эпохи, писавшими в письмах и дневниках о корпоративных конфликтах, откровенно рассказывавшими о проблемах обучения студентов и критично оценивавших собственный научный уровень, – уваровские профессора демонстрировали элитную солидарность. Они высоко ценили себя, противопоставляли собственные широкие познания узости интересов учителей и отсталых коллег. Воспоминания объединяло утверждение, что именно это поколение обеспечило расцвет русской науки и русских университетов.

Как правило, мемуаристы включают университетский мир не в большое историческое время, а в относительно узкие хронологические границы личной биографии. И хотя каждый историк знает о субъективности источников

личного происхождения, но в созвучии их свидетельств с данными делопроизводственной документации исследователи видят достоверность. Так, именно мемуары освободили бравурные уваровские отчеты от налета недоверия. Подписчики толстых журналов (которые читали ярко и интересно написанные мемуары и не ведали о пылящихся в архивах свидетельствах университетской стагнации той поры) поверили заслуженным профессорам. Так же верят им ныне исследователи, которые цитируют воспоминания как свидетельства, доказывающие правдивость отчетов.

Обычно университетский мир предстает в воспоминаниях в двояком свете. С одной стороны, он един и неделим: университет – это начало пути, источник знаний и место духовного перерождения, с другой – в мемуарах время университета дискретно и фрагментируется вехами научной карьеры. Период обучения для многих мемуаристов – золотое время университета, а мейнстрим академической жизни проходит через его специальность или факультет. Корпоративные конфликты и противоречия, которые обычно нивелируются в больших нарративах университетского прошлого, в мемуарных свидетельствах нередко играют роль сюжетообразующего средства (борьба героев и злодеев, столкновения любимых и нелюбимых профессоров, талантливых и завистливых коллег и т. д.)

Желание создать из фрагментов отдельных воспоминаний темпорально организованное повествование об академической жизни возникло в университетах в начале XX столетия в связи с предстоящими столетними юбилеями[36]. В изданных тогда сборниках собраны кусочки рассказов об ученических годах признанных ученых. Совокупно они образовали мозаичное полотно корпоративной жизни университета. Но особенную популярность этот жанр получил в позднесоветские годы. Он позволял университетам дарить читателям человечески окрашенную картину прошлого своей академической жизни, к которой властям было трудно предъявлять столь же строгие идеологические требования, как к юбилейной истории.

После долгого перерыва, связанного со страхом репрессий, неустойчивостью статуса профессора в разные периоды советского режима, мемуарная традиция сегодня вновь возрождается в академической среде. В новых условиях она обретает форму не только печатных сборников, но и электронных архивов, интервью. Наше стремление видеть в мемуарах и интервью типологическое родство порождено тем, что расспросы профессоров довольно часто слабо или совсем не структурированы и имеют целью стимулировать воспоминания или размышления информантов[37].

Нередко выбор формы изложения обусловлен статусными характеристиками мемуариста. Как правило, в книжной форме прошлое советской академии описывают официально признанные ученые и организаторы науки. Как показало исследование А. Н. Дмитриева, для этих текстов характерна согласованность в интерпретациях событий, стирание личных противоречий[38]. Память же рядовых участников университетской жизни пытаются зафиксировать интервьюеры-волонтеры. Целый ряд проектов молодых историков направлен на стимуляцию воспоминаний своих старших коллег, на их рефлексию пережитого опыта корпоративной жизни. Мы имеем в виду работу студенческой группы Центра университетских исследований в НИУ ВШЭ, деятельность научно-образовательного центра «Устная история» Южно-Уральского государственного университета[39], фонда развития гуманитарных исследований «Устная история» Института философии РАН[40], отдела устной истории при Научной библиотеки МГУ. Благодаря им история российских университетов получила еще один, альтернативный по отношению к государственным архивам, комплекс свидетельств. Как правило, он сфокусирован на антропологических и культурных аспектах университетского прошлого.

И еще одна новая традиция, а с нею и жанр университетских историй родились в дни празднования 20-летия национального исследовательского университета «Высшая школа экономики»[41]. По инициативе М. М. Юдкевич к этому торжеству были выпущены два оригинальных сборника воспоминаний, написанных молодыми доцентами и созданных на основе интервью с профессорами. Они отличаются от прежних изданий того же жанра[42]. В данном случае молодые и маститые преподаватели размышляли о культурно-психологическом типе своих учителей, не являвшихся представителями одного университета, о причинах их избрания в наставники, о специфике советской и постсоветской университетской культуры. В одном случае (имеем в виду издание «Ученики об учителях») имена мемуаристов мало известны читателям за пределами высшей школы. В другом случае («Учителя об учителях») они известны и в нашей стране, и за рубежом: например, экономисты Е. Г. Ясин, Я. И. Кузьминов, А. Г. Вишневский, историки И. М. Савельева и А. Б. Каменский, филологи Г. Ч. Гусейнов и Е. Н. Пенская, социолог А. Ф. Филиппов, философ В. А. Куренной и др.

Полифонический рассказ мемуаристов о себе в науке, о своих учителях и универси-

тетском прошлом России вышел за пределы конкретного учреждения и апеллирует к мировым университетским ценностям. В таком виде он явно закладывает основы нового корпоративного сознания, не ограниченного локусом институции. В данной оптике университетская история предстает как течение большой реки, пополняемой множеством притоков.

Итак, в потоке нынешних публикаций, посвященных описанию прошлого различных российских университетов и феномену «русский университет», заметно расширение тематического и жанрового спектра (теперь это уже не только история правительственной политики и борьбы за автономию, но и история учебных ритуалов, социальных групп, коммуникаций, научных сетей, повседневности, специфической академической культуры). Историки утратили монополию на создание исторического нарратива, а сам он – монополию на единственно возможную интерпретацию событий и явлений прошлого. Сегодня равными статусами обладают большие истории отдельных университетов, истории правительственной политики в области высшего образования, исследования культурных феноменов академической жизни и ее агентов.

Разнообразие и демонополизация породили профессиональную рефлексию историков над процедурами анализа, языка, способами университетского историописания. В последние годы критическому осмыслению принципов создания и использования университетского прошлого посвящен целый ряд международных конференций[43] и изданий. Их авторы и участники анализируют юбилейные издательские программы, академическую культуру воспоминаний, дискурсивные практики историописания[44]. Российские университеты редко представлены в этих международных форумах, и потому так ценны организационные инициативы «Высшей школы экономики»[45], а также журналов «Новое литературное обозрение», «Логос» и «History of education and children's literature» по стимуляции подобного обсуждения среди русистов[46].

Примечания

[1] В данной научной работе использованы результаты проекта «Практики аттестации и присвоения ученых степеней в европейских университетах Нового времени», выполненного в рамках Программы фундаментальных исследований НИУ ВШЭ в 2014 г.

[2] В силу обзорного характера данной публикации мы указываем лишь на ключевые публикации, определяющие контуры данной области. О подходах к изучению феномена «университет» в социологической литературе см.: Запорожец О. Н. Навигатор по карте историко-социологических исследований университета // Сословие русских профессоров: создатели статусов и смыслов / ред. Е. А. Вишленкова, И. М. Савельева. М.: ИД ВШЭ, 2013. С. 21–58.

[3] Обзор исследовательских дебатов о жанрах и нарративных формах см.: Луков В. А. Жанры и жанровые генерализации // Знание. Понимание. Умение. 2006. № 1. С. 141–148.

[4] Подробнее об этом см.: Вишленкова Е. А. Университетский XIX век в России: дискурсивная история // Изобретение века: проблемы и модели времени в России и Европе XIX столетия / ред. Е. Вишленкова, Д. Сдвижков. М.: Новое лит. обозрение, 2013. С. 285–316.

[5] Вишленкова Е. А., Ильина К. А. Университетское делопроизводство как практика управления: Россия, первая половина XIX в. // Вопр. образования. 2013. № 1. С. 232–255.

[6] Уваров С. С. Десятилетие Министерства народного просвещения. 1833–1843 // Избр. тр. / сост., авт. коммент., пер. В. С. Парсамов, С. В. Удалов. М., 2009. С. 347.

[7] Парсамов В. С. «История императорского Московского университета» С. П. Шевырева: ист. нарратив в полит. контексте. Препринт WP6/2013/04: сер. WP6: Гуманит. исслед. / Нац. исслед. ун-т «Высш. шк. экономики». М., 2013. URL: http: // hse. ru (дата обращения: 18. 06. 2014).

[8] Загоскин Н. П. История Императорского Казанского университета за первые сто лет его существования, 1804–1904. Казань, 1902–1904. Т. 1–4.

[9] Багалей Д. И. Опыт истории Харьковского университета: по неизд. материалам. Харьков, 1898–1904. Т. 1–2.

[10] Сухомлинов М. И. Материалы для истории образования в России в царствование императора Александра I // Журн. М-ва нар. просвещения. Ч. 128. 1865. № 10, отд. 2. С. 9–172; Ферлюдин П. Исторический обзор мер по высшему образованию в России. Саратов, 1893. Вып. 1: Академия наук и университеты; Феоктистов Е. Магницкий: материалы для ист. просвещения в России. СПб., 1875.

[11] Рождественский С. В. Исторический обзор деятельности Министерства народного просвещения, 1802–1902. СПб., 1902; Его же. Очерки по истории систем народного просвещения в России в XVIII–XIX вв. СПб., 1912. Т. 1; Описание дел Архива Министерства народного просвещения. Пг., 1917. Т. 1.

[12] Андреев А. Ю. Российские университеты XVIII – первой половины XIX в. в контексте университетской истории Европы. М., 2009; «Быть русским по духу и европейцем по образованию»: университеты Рос. империи в образов. пространстве Центр. и Вост. Европы XVIII – начала XIX в. М., 2009; Жуковская Т. Н. Университеты и университетские традиции в России: курс лекций. Петрозаводск, 2011; Университет в Российской империи XVIII – первой половины XIX в. / общ. ред. А. Ю. Андреева, С. И. Посохова. М.: Росспэн, 2012.

[13] Булич Н. Н. Из первых лет Казанского университета, 1805–1819 // Изв. и уч. зап. Казан. ун-та. 1875. № 1. С. 3–48; № 2. С. 241–288; № 3. С. 439–488; 1880. Янв.-февр. С. 1–112;

Уч. зап. Казан. ун-та по ист.-фил. фак. 1886. С. 1–387; Уч. зап. Казанского ун-та. 1890. Кн. 1. С. 1–144; Кн. 2. С. 145–276; Кн. 3. С. 127–244; Кн. 5. С. 133–208; Кн. 6. С. 122–214; 1891. Кн. 1. С. 179–276; Кн. 2. С. 141–269.

[14] Корбут М. К. Казанский государственный университет имени В. И. Ульянова-Ленина за 125 лет, 1804/05–1929/30. Казань, 1930.

[15] Свод таких работ представлен в исторических разделах библиографического указателя В. И. Милкова: Высшее образование в СССР и за рубежом: библиогр. указ. кн. и журн. ст., 1959–1969. М., 1979; То же. 1969–1975. М., 1978; То же. 1976–1980. М., 1985.

[16] Эймонтова Р. Г. Русские университеты на грани двух эпох: от России крепостной к России капиталистической. М., 1985; Высшее образование в России: очерк ист. до 1917 г. / А. Я. Савельев, А. И. Момот, В. Ф. Хотеенков и др.; под ред. В. Г. Кинелева. М., 1995; Иванов А. Е. Студенчество России конца XIX – начала XX в.: социал.-ист. судьба. М., 1999; Его же. Студенческая корпорация России конца XIX – начала XX в.: опыт культ. и полит. самоорганизации. М., 2004; Его же. Еврейское студенчество в Российской империи начала XX в. М., 2007; Его же. Мир российского студенчества, конец XIX – начало XX в: очерки. М.: Новый хронограф, 2010.

[17] Ляхович Е. С., Ревушкин А. С. Университеты в истории и культуре дореволюционной России. Томск: Изд-во Томск. ун-та, 1998; Петров Ф. А. Российские университеты в первой половине XIX в.: формирование системы университ. образования. М., 1998–2001. Кн. 1–4: Зарождение системы университетского образования в России; Его же. Формирование системы университетского образования в России. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2002–2003. Т. 1–4.

[18] Широко цитируются в российских изданиях исследования академических групп С. Кассоу и Т. Маурер: Kassow S. Students, professors and the state in tsarist Russia. Berkley; Los Angeles; London, 1989; Maurer T. Hochschullehrer im Zarenreich. Ein Beitrag zur Sozial-und Bildungsgeschichte. Köln; Weimar; Wien, 1998.

[19] Казакова К. С. Студенчество Санкт-Петербургского университета в первой половине XIX в: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2010; Феофанов А. М. Студенчество Московского университета XVIII – первой четверти XIX в. М.: Изд-во Правосл. Свято-Тихонов. гуманит. ун-та, 2011.

[20] Чебыкина Н. В. Быт студенчества Санкт-Петербургского университета в дореформенный период // Очерки по истории Санкт-Петербургского университета. СПб., 2000. Т. 8. С. 104–119; Козакова В. С. Коллективная биография профессуры – новый путь в социальной истории русских университетов // Клио: журн. для ученых. 2001. № 1 (13). С. 254–258; Андреев А. Ю. Московский университет в общественной и культурной жизни России начала XIX в. М.: Яз. рус. культуры, 2000; Гришунин П. В. Студенчество столичных университетов: структуры повседнев. жизни, 1820–1880-е гг.: дис. … канд. ист. наук. СПб., 2005; Костина Т. В. Мир профессора Казанского университета в первой половине XIX в.: дис. … канд. ист. наук. Казань, 2007; Сазонова Л. А. Повседневная жизнь профессора Казани, 1863–1917: дис. … канд. ист. наук: 07.00.02 / Казан. гос. ун-т. Казань, 2009.

[21] Университет для России. [Т. 1]. Взгляд на историю культуры XVIII столетия / ред. В. В. Пономарева, Л. Б. Хорошилова. М., 1997; Университет для России. Т. 2. Московский университет в Александровскую эпоху / ред. В. В. Пономарева, Л. Б. Хорошилова. М., 2001; Вишленкова Е. А., Малышева С. Ю., Сальникова А. А. Terra Universitatis: два века университ. культуры в Казани. Казань, 2005; Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Университет для России. Т. 3. Университетский Благородный Пансион. М.: Новый хронограф, 2006; Кулакова И. П. Университетское пространство и его обитатели: Моск. ун-т в ист.-культ. среде XVIII в. М., 2006; Петров Ф. А., Пономарева В. В., Хорошилова Л. Б. Университет для России. Т. 4. Московский университет в Николаевскую эпоху. М.: Изд-во Моск. ун-та, 2012.

[22] Вишленкова Е. А., Ильина К. А. Университетское делопроизводство как практика управления, Россия, первая половина XIX в. // Вопр. образования. 2013. № 1. С. 232–255.

[23] О личном составе и вакантных кафедрах в императорских российских университетах к 1 января 1866 г. СПб., 1866.

[24] Биографический словарь профессоров и преподавателей Императорского Московского университета / ред. С. П. Шевырев. М., 1855.

[25] ОР РНБ. Ф. 391: Краевский А. А. Ед. хр. 837. Л. 7–7об.

[26] Чернышевский Н. Г. [Рецензия] // Современник. 1855. Т. 50, № 4. С. 31.

[27] Биографический словарь профессоров и преподавателей императорского Казанского университета, 1804–1904: в 2 ч. / ред. Н. П. Загоскин. Казань, 1904.

[28] Национальный архив Республики Татарстан (НАРТ). Ф. 977: Оп. Ист.-фил. фак. Д. 1602: О праздновании 100-летнего юбилея Казанского университета, 1894. Л. 57.

[29] Императорский Московский университет, 1755–1917: энцикл. слов. / сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М.: Росспэн, 2010. 894 с.

[30] Например: Иностранные профессора российских университетов, вторая половина XVIII – первая треть XIX в.: биогр. слов. / сост. А. М. Феофанов. М.: Росспэн, 2011.

[31] См., например: Императорский Московский университет, 1755–1917: энцикл. слов. / сост. А. Ю. Андреев, Д. А. Цыганков. М.: Росспэн, 2010.

[32] Казанский университет, 1804–2004: биобиблиогр. слов.: в 3 т. / гл. ред. Г. Н. Вульфсон. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 2002. Т. 1: 1804–1904. 808 с.; 2004. Т. 2: 1905–2004, А–М. 880 с.; Т. 3. 1905–2004, Н–Я. 768 с.

[33] Лексина Ю. А. Научно-исследовательская и издательская деятельность Научной библиотеки им. Н. И. Лобачевского // Университетские библиотеки в глобальном информационном и культурном пространстве: материалы всерос. науч.-практ. конф., Казань, 7–8 дек. 2004 г. Казань, 2004. С. 20–24; Шишкин В. И., Лексина Ю. А. В копилку книг о Казанском университете: [об изд., подгот. в Науч. б-ке им. Н. И. Лобачевского к 200-летию КГУ] // Библ. вестн. [Казань], 2004. № 1. С. 15–20.

[34] Биографический словарь профессоров и препо-

давателей императорского Московского университета за истекающее столетие со дня учреждения января 12-го 1755 г., по день столетнего юбилея, января 12-го 1855 г., составленный трудами профессоров и преподавателей, занимавших кафедры в 1854 г., и расположенный по азбучному порядку. М.: Унив. тип., 1855.

[35] См.: Костина Т. В. Профессора «старые» и «новые»: антиколлегиальная реформа С. С. Уварова, 1835–1837 гг. // Сословие русских профессоров. С. 212–238.

[36] В 1904 г. Петербургское общество вспомоществования бывшим воспитанникам Казанского университета издало сборник таких фрагментов: Былое из университетской жизни: лит. сб. к 100-летию Имп. Казан. ун-та. Казань: Изд-во Казан. ун-та, 1904.

[37] О специфике интервью с университетскими людьми и их жанровой близости к мемуарам писал Лутц Нитхаммер: Интервью с Лутцем Нитхаммером, Москва, 18 окт. 2013 г. / расшифровка Анны Моляновой; пер. с нем. Кирилл Левинсон // Институт гуманитарных историко-теоретических исследований имени А. В. Полетаева (ИГИТИ): офиц. сайт. URL: http: // igiti. hse. ru (дата обращения: 17. 06. 2014).

[38] Дмитриев А. Н. Мемуары постсоветских гуманитариев: стандартизация памяти? // Сословие русских профессоров. С. 358–384.

[39] Устная история: науч.-образов. центр. / Южно-Урал. гос. ун-т. URL: http: // oral-history. ru (дата обращения: 17. 06. 2014).

[40] Там же.

[41] Поколения ВШЭ: ученики об учителях. М.: ИД ВШЭ, 2013; Поколения ВШЭ: учителя об учителях. М.: ИД ВШЭ, 2013.

[42] Наиболее близким по жанру является издание «Учителя учителей», выпущенное РГГУ в 2009 г.

[43] Конференции: «University jubilees in Northern Europe: more than occasions to commemorate their own glorious past?» (Helsinki, 12–13 March 2009; Copenhagen, 14–15 January 2010); «Academic culture of remembrance: the combination of University history, jubilees and academic heritage» (Ghent, 16–17 March 2011); «Universitatsgeschichte im 19. und 20. Jahrhundert» (Münster, 17–18 July 2014).

[44] Ash M. G. (Hg.), Mythos Humboldt. Vergangenheit und Zukunft der deutschen Universitäten. Wien, Böhlau, 1997; Müller W., Erinnern an die Gründung. Universitätsjubiläen, Universitätgeschichte und die Entstehung der Jubiläumskultur in der Frühen Neuzeit, in «Berichte zur Wissenschaftsgeschichte». 1998. 21. S. 79–102; Bruch R. vom, Methoden und Schwerpunkte der neueren Universitätsgesc hichtsforschung, in Werner Buchholz (Hrsg.), Die Universität Greifswald und die deutsche Hochschullandschaft im 19. und 20. Jahrhundert. Kolloquium des Lehrstuhls der Pommersche Geschichte der Universität Greifswald in Verbindung mit der Gesellschaft für Universitäts-und Wissenschaftsgeschichte, Stuttgart: Franz Steiner Verl., 2004. S. 9–26; Langewiesche D., Die Humboldtsche Universität als nationaler Mythos. Zum Selbstbild der deutschen Universitäten in ihrer Rektoratsreden im Kaiserreich und in der Weimarer Republik // Hist. Ztschr. 2010. Bd. 290. S. 53–91; Paletschek S., The Writing of University History and University Jubilees: German Examples // Studium: rev. d'Histoire des sciences et des univ. 2012. № 5. P. 142–155; Dhondt P. (ed.) University Jubilees and University History Writing (forthcoming); University Traditions: A Resource or Burden? // History of education and children's literature. 2014. Vol. 9 (1).

[45] В НИУ ВШЭ в сентябре 2013 г. прошел IV международный коллоквиум исследователей высшего образования, посвященный теме «Университетские традиции: ресурс или бремя?». В рамках этого форума работали исторические секции «Конструирование традиций» и «Университетские архивы как культурный проект».

[46] Специальные номера: Университетские истории: реформа как традиция? // Новое лит. обозрение. 2013. № 4; Превосходство университета? // Логос. 2013. № 1 (91); Отеч. записки. 2002. № 1. Кроме того, эта тема была предметом рассмотрения в коллективной монографии «Сословие русских профессоров».